

низывалось для участия в будущих политических спектаклях. Когда Горбачев начал писать «майн кампф» перестройки, тогда ни с того ни с сего появились совершенно не умеющие играть на инструментах такие «лидеры» ленинградского рока, как «Зоопарк», «Аквариум», «Кино». Эпиграфом к горбачевской «Моей борьбе» стала песня Цоя «Мы ждем перемен».

Перемены не заставили себя долго ждать.

Русская рок-революция была в первую очередь либеральной: все изнемогало от той интеллектуальной духоты и творческой несвободы, которыми была заполнена атмосфера «марк-

Гребенщикова, Майка и Цоя, но исполненные в гармониях и в стиле Высоцкого. Это было сделано очень талантливо и... очень смешно! Поскольку тогда в русском роке были две столицы, каждая со своими традициями, а Башлачев не вписывался ни в ту, ни в другую, я предложил основать ему гипотетическую третью столицу и быть странствующим носителем ее идеи. Но для этого необходимо отказаться и от подражаний Майку (а именно с этого начинал Башлачев), и от типичного для Москвы воспеания городских прелестей. Человек третьей столицы — это человек, как бы навсегда потерявший прописку, человек внутренне-

Сергей ЖАРИКОВ

КТО «АГЕНТЫ»?

5-летию со дня смерти Башлачева посвящается

сизма-ленинизма». Но русская рок-революция была и консервативной: уже и тусовщики стали ощущать беспочвенность собственного существования, будто цель все того же «марксизма-ленинизма» — превращение всех людей в евреев и цыган. Как бы то ни было, но мировая революция, начатая Лениным и Троцким в 1917 году, уже не могла больше продолжаться.

Андропов, Пономарев и К* смотрели на дело несколько иначе. Они хотели вернуть российскому «марксизму-ленинизму» утерянный подлинный интернационализм и не жалели красной краски, чтобы вернуть выцветшей краснокрестности изначальный революционный блеск. В рок-музыке этот механизм заработал так: англоязычности и подражательности — «зеленый свет», всему остальному — красный. «Все остальное» тогда прямо называлось «антикоммунистической отрыжкой».

Холопы перестройки заработали не покладая рук. Вовсю функционировал созданный генералом Калугиным Ленинградский рок-клуб, где вопили о «переменах» в системе «общечеловеческих ценностей». По радио с утра до вечера гоняли песни А. Градского в поддержку чилийских коммунистов. А уж про «Аквариум», «Кино», «Машину времени» и говорить нечего...

И перемены пошли.

Как вдруг растолстевший на перестроечных дрожжах Борис Гребенщиков, для начала обзавед пубliku «козлами», спросил: дескать, «того ли ты ждал», дурачок, пришедший на концерты коминтерновской музыки?

Выпустили Алексея Романова, кстати, в день смерти Андропова, а некогда душа московских тусовок группа «Воскресенье» опять запела о крысах, бегущих с корабля. Наблюдатели и здесь заметили скрытую полемику с известной песней «Машины времени», где та же тема имела иную трактовку, а те же крысы, бегущие с корабля, нарекались чуть ли не духовным зерном нации. Что ж, Гребенщиков и Макаревич не случайно были друзьями...

Это была контрреволюция.

Помнится, как талантливый Александр Башлачев, каждый раз приезжая ко мне с новой песней, жаловался на Питер, что его там не понимают, что в Питере господствует коммунистический стиль «Аквариума», и под конец исполнял пародии на ленинградских рок-вождей. Это просто были песни

го бытия, или, как говорят умники, экзистенциальный человек.

Как явление чисто русское и стилистически свободное, такой человек в роке мог элементарно переориентировать тусовку, в обратном от Коминтерна направлении, превратив англоязычных и русскоязычных подражателей в жалких маргиналов.

Таких вещей Коминтерн не прощает, и ровно пять лет назад Александр Башлачев был убит.

Справедливости ради надо сказать, что Башлачева в тусовку ввел именно Артем Троицкий, но делал он это и с какой-то опаской, и одновременно восхищаясь его талантом, — а ведь такого могли не простить и Троицкому...

...Потому что это была контрреволюция.

Нас было мало, но мы были уверены, что Россия и ее великий народ, в том числе и увлекающийся роком немалая часть его, сбросят с себя всю эту комсомольщину и коминтерновщину, какие бы обличия она ни имела. Ибо и власть от Бога, а не от «разнарядки» Коминтерна. Ибо нация, поставленная на колени на своей почве, в конце концов получит силу земли и встанет с колен. Ибо кровь, забродившая в песках южной пустыни, вскипит и очистится от всей этой эзотерической скверны юга, и новые формы национального творчества поднимут энергетический потенциал нации.

Так и получилось. А если подумать, и не могло быть иначе. Языческая контрреволюция, на которую с опаской смотрели патриоты старшего поколения, переросла в национальную русскую контрреволюцию. И нам, кого некогда клеймили как «американских агентов», сегодня за свое поколение не стыдно. Агентами оказались как раз другие — визжавшие о «демократии», о «правах человека», а на деле готовившие русским новое ярмо еще большей духоты и большей несвободы. Исполком веков привыкшие торговать рабами, они прорсчитались, и это только начало нашей контрреволюции.

Впереди — великолепная в своей красоте, стилистически чистая долгожданная национальная русская реакция, когда жертвенные «козлы», поставленные влево, будут ждать смерти и не получат ее, когда божественная длань откроет Солнце и разные получат разное...

Сегодня об этом можно определенно сказать. А кто-то добавит — дескать, опять у нас все не как у людей...

На примитивном Западе нашествие рока приняло черты анархической культурной революции. Здесь же подобное казалось лишь Теме Троицкому с его любимыми «Браво» и «Центром» и еще кой-кому из андроповской «конторы».

Надо сказать, что Андропов, выдвигая таких монстров, как Шеварднадзе, Алиев, Яковлев, и других, готовя «нашу перестройку», свои американские вкусы реализовывал и в рок-музыке. Сам он любил джаз, неплохо играл на трубе, а его дочь Ира работала тогда заместителем редактора журнала «Музыкальная жизнь». Она-то и нашла никому не известного доселе Артема Троицкого и пристроила его в якобы молодежный журнал «Ровесник», курировавшийся лично главным специалистом по зарубежным махинациям ЦК КПСС, агентом Коминтерна Борисом Пономаревым. Кстати говоря, папа и мама Темы работали в спецшколе КГБ и готовили террористов-братков для «братских» компартий. В общем, как ни крути, а весь русский рок попал в орбиту Коминтерна.

Вытаскивая рок из подвалов, Горбачев на самом деле вытаскивал из своей политической колоды крапленую карту. То, что действительно оставалось в подвалах, было уничтожено Андроповым и Черненко в 1983—1984 годах. А что уцелело — срочно реорга-

ДЕНЬ. — 1993 — 13-19 ИЮНЯ. — С. 8